

Андрей Ливадный

Врата Миров

Пролог

крейсер ВКС России Два небольших космических корабля, одинаковые по конструкции, но управляемые существами разных цивилизаций, двигались в границах спирального рукава галактики Млечный Путь.

Очередная звездная система встретила их неприветливо. Устройство внепространственной транспортировки оказалось серьезно поврежденным, и алгиты – колонии разумных кристаллов, выполняющие функции бортовых навигационных устройств, едва успели предупредить об опасности совмещения при выходе из гиперпространства.

Пилоты отреагировали мгновенно, сказывался многолетний опыт и слетанность в паре. Корабли избежали столкновения, компенсировали неуправляемый дрейф, выполнили серию маневров, вновь сблизились, восстанавливая построение.

– С каждым переходом становится все опаснее, – вышел на связь умп. – Транспортная сеть разорвана. Врата Миров работают нестабильно. Путь ко многим звездным системам теперь утрачен навсегда.

Его напарником и давним другом был ц'ост – существо, чей истинный облик являлся загадкой для всех, кроме армахонтов. Эволюционное развитие ц'остов (или метаморфов, как их часто называли) проходило в условиях крайне агрессивной, неблагоприятной среды обитания. В результате они обрели способность к метаморфозам, научились гибко реагировать на изменчивые условия выживания, приспосабливаться к окружающему путем стремительных внутренних и внешних трансформаций.

Известно, что ц'осты могут принять вид любого существа, а при необходимости – заимствовать генетический материал других биологических форм и ассимилировать его для более успешного выживания.

За это метаморфов боялись и недолюбливали, хотя на самом деле они лишь следовали своей уникальной природе.

На экранах обзора появились обломки станции Н-болг, и оба пилота поняли: последняя надежда угасла.

Разрушению подверглось ключевое звено глобальной галактической транспортной сети.

– Наш сектор отрезан. Такова цена предательства! – гневно прорычал умр.

«Чего добились существа, восставшие против справедливого миропорядка, установленного армахонтами? Только погубили себя и подвели к краю пропасти еще с десятков молодых цивилизаций. Зачем? – думал он, глядя на обломки величайшего инженерного сооружения. – Чего им не хватало?»

– Расстанемся тут? – откликнулся ц'ост. Он понимал: продолжать поиски бессмысленно. Мятежный сектор изолирован, а это приговор для всех. Умры и ц'осты не принимали участия в заговоре против армахонтов, но их тоже ожидала незавидная участь. Предугадать дальнейший ход истории было несложно.

– Каждый из нас теперь пойдет своей дорогой? – полуутвердительно предположил умр.

– Нам придется научиться выживать в изменившемся мире, – ответил ц'ост. – Все созданное армахонтами постепенно обветшает. Грядут века регресса и изоляции. Ты прав, теперь каждый сам за себя.

Умр не нашел слов, чтобы возразить. Он устал от однообразных картин разрушения, устал от тщетных надежд. Пора возвращаться в родную звездную систему, пока еще работают некоторые маршруты разорванной транспортной

сети. За месяцы скитаний они успели все обдумать, о многом поговорить, и прощание вышло коротким.

– Прощай, – произнес умр. – Пусть наши потомки никогда не встретятся на тропах войны.

– Прощай, – словно эхо, откликнулся ц’ост.

* * *

Через минуту неяркая вспышка поглотила корабль умра.

Ц’ост остался один. Его заинтересовала навигационная информация, полученная алгитами от устройства Врат Миров.

Он запустил процесс дешифровки данных.

Метаморфы оказались сейчас в крайне затруднительном положении. В далеком прошлом они покинули родную планету, по приглашению армахонтов расселились по Галактике, обслуживая сеть станций Н-болг, проживая на борту этих уникальных космических сооружений, в искусственно созданной, безопасной, контролируемой среде обитания.

«Нам не выдержать изоляции, – тяжело размышлял он. – Какое-то время сеть уцелевших Н-болгов еще продержится, но дальше наступит неизбежный коллапс. Станции обветшают, придет в упадок торговля, и мой народ пострадает первым...

Снова, после тысячелетий благополучия, мы предоставлены сами себе, окружены молодыми, агрессивными цивилизациями, которые непременно попытаются захватить уцелевшие узлы межзвездной сети, растащить те крохи величия, что еще сохранились...»

Алгиты, наконец, завершили обработку данных, и ц’ост, взглянув на результат, издал серию удивленных звуков.

В результате глобального сбоя некоторые программы защиты, установленные армахонтами, отключились!

Любому морфу известно: не все картографированные звездные системы доступны в рамках сети. Существует категория закрытых для пользователей

межзвездных маршрутов. Куда они ведут и по какой причине заблокированы, оставалось загадкой.

«Похоже, мне представилась уникальная возможность, – он продолжал с интересом просматривать навигационные данные. – Отсюда открывается путь в запретную ранее звездную систему! Возможно, она была зарезервирована армахонтами для собственных нужд или представляет опасность, а может быть, там есть планета, пригодная для колонизации, и это станет шансом для миллионов ц’остов! Глупо упускать такой шанс!» – подумал он, начиная расчет прыжка.

Часть 1

Путь к звездам

Глава 1

Земля. Меганполис «Сибирь». Сентябрь 2071 года

Все началось с неожиданной поломки регенератора воздуха.

Глеб проснулся, чувствуя, что весь взмок. Он машинально взглянул на кибстек. Три часа утра. Температура в кварткапсуле – плюс тридцать два по Цельсию.

– Танюша? – негромко позвал он.

– Я уже вызвала серва, – ее голос донесся из-за тонированной перегородки душевого модуля, смонтированного в нише стены и занимающего минимум места.

Глеб встал с постели. Пара ловких, гибких манипуляторов тут же убрала одноразовое белье, отправив его через централизованную систему транспортировки в пункт утилизации, расположенный где-то в технических глубинах мегаквартала.

Широкая кровать, занимавшая половину помещения, сложилась, трансформируясь в узкий диван, сдвинулась панель пола, из ниши поднялся столик с напитками.

Душно.

Глеб подошел к окну, касанием сенсора снял затемнение, взглянул в узкий, бездонный разлом улицы.

Мегагород тонул в желтоватом тумане. На панели датчиков горел красный сигнал, предупреждающий о токсичных выбросах в атмосфере.

«Ну да, верно, сегодня день самоочистки, – вспомнил он. – Сутки отданы в распоряжение коммунальных служб, идет процесс удаления накопленных за месяц вредных веществ, на улицу выходить не рекомендуют, окна советуют держать закрытыми».

Кварткапсула – полностью автоматизированная индивидуальная ячейка современного мегаполиса, по утверждениям застройщиков, являлась вершиной синергетического мышления, образцом прогрессивного проектирования. Современные материалы, устройства и даже элементы космических технологий, использованные при строительстве и дизайне, гарантировали человеку безопасное, комфортное проживание в трансформируемом пространстве размером три на четыре метра.

Миллионы кварткапсул образовывали мегакварталы, те, в свою очередь, сливались воедино, формируя облик города, занимающего треть площади материка.

Глеб отошел от окна.

Вид мегаполиса, утонувшего в желтоватом ядовитом смоге, вызывал у него тяжелую реакцию. Он воспринимал современные города с иного ракурса, видел в них не величие инженерной и технической мысли, а истинно урбанизированное, мертвое пространство техносферы, сначала потеснившей, а затем и поправшей природу планеты.

Он старался не высказывать вслух свои мысли и ощущения. Не поймут, скорее осудят, чем прислушаются, ведь для миллиардов людей современные города – естественная и единственно возможная среда обитания.

Психология Глеба Полынина сформировалась иначе. Он родился в колонии Марса, вдали от центров урбанизации, с детскими впечатлениями

впитал особенную эмоциональную атмосферу, царящую в небольшом гарнизоне ВКС России.

Он играл с мальчишками на окраине космопорта, видел космические корабли, наблюдал за их стартами и посадками, был невольным свидетелем разговоров, часто затрагивающих тему дальнего космоса, грядущей колонизации иных звездных систем, — так, по крохам, в его сознании медленно формировалась мечта, светлая и пронзительная.

Звезды...

О них он грезил, к ним стремился, им посвятил пятнадцать лет жизни. Сначала кадетский колониальный корпус на Марсе, затем летное училище на Земле и, наконец, Академия военно-космических сил.

Осталось немного. Каких-то два-три месяца. На стапеле орбитальной верфи уже завершён монтаж колониального транспорта «Одиссей», скоро начало его ходовых испытаний...

— Не хотела тебя будить. — Татьяна вышла из душа, поцеловала Глеба в щеку. — Думала, серв сразу придет, а его все нет, — посетовала она.

— Я сам могу исправить.

— Да брось, не связывайся, — мило и снисходительно улыбнулась она. — Лучше сходи освежись, а я закажу завтрак. Все равно в такой духоте уже не уснем.

— Ладно, я быстро, — Глеб понял, что Танюша не поверила, сочла его слова некой формой мужского бахвальства. Ну, ее нельзя за это винить. Системы кварткапсул действительно сложны, для их ремонта требуются особые знания, которыми, по убеждению большинства современных городских жителей, обладают только ремонтные сервы.

Пока он принимал душ, Татьяна изменила настройку окна, превратив его в стереозэкран. Полупрозрачная голографическая панель управления постоянно находилась под рукой — кибернетическая система кварткапсулы непрерывно наблюдала за человеком, обеспечивала максимальный комфорт, услужливо предугадывала каждое движение.

Для Татьяны такой сервис являлся чем-то само собой разумеющимся, она не обращала внимания на действия автоматики, воспринимая их как должное.

Так, посмотрим, – она вызвала на экран меню из ближайшего ресторана, пробежала его взглядом, движением зрачков перелистала электронные страницы, определилась с выбором, сделала заказ.

«Сейчас позавтракаем, и что дальше?» – Она с удовольствием ускользнула бы в привычный для нее мир, но – последовал тяжелый вздох – Глеб обидится. Он еще вчера предупредил, что готовит сюрприз.

Легкая улыбка коснулась губ, но тут же угасла.

Если откровенно, то их затянувшаяся встреча в реальном мире уже начала тяготить. В первый день было прикольно, затем все быстро надоело. Вчера вечером, например, они ужинали в кафе, расположенном неподалеку, в парке под куполом. Впечатления остались, прямо сказать, тяжелые. «Куда приятнее провести время среди чистых и пронзительных красот цифрового пространства, – с нотками ностальгии подумала она, – ну, а если вдруг захочется приключений, то достаточно наугад открыть канал связи, позволить своему сознанию влиться в случайно выбранный информационный поток – неповторимые ощущения гарантированы...»

Ее мысли прервал негромкий тоновый сигнал, на экране тут же возникло дополнительное оперативное «окно», передающее изображение с камер системы безопасности.

Ага, серв наконец явился, – Татьяна впустила ремонтный механизм, и тот, не обращая внимания на человека, сразу же приступил к своим обязанностям. Декоративная решетка, через которую в помещение поступал очищенный и кондиционированный воздух, располагалась под потолком, но серв направился в другую сторону, снял панель стены у самого пола, открыв взгляду множество непонятных, плотно скомпонованных устройств.

«Никогда бы не подумала, что очистка воздуха происходит именно там», – она некоторое время наблюдала за сервом, но быстро утратила интерес

к происходящему, к тому же система пневматической доставки бодро просигналила о прибывшем заказе.

Татьяна коснулась сенсора, от ячеистого потолка кварткапсулы отделился бытовой модуль. Ловко орудуя четырьмя манипуляторами, он забрал контейнеры с горячей едой, вскрыл их и принялся сервировать стол.

* * *

Они уже позавтракали, а серв все еще возился с ремонтом – он разобрал какое-то устройство, аккуратно разложив на полу его составные части. К духоте добавились запахи пищи, обстановка в кварткапсуле незаметно наэлектризовывалась, дышать становилось все труднее, и Глеб решительно встал, дотянулся до скругленного перехода стены в ячеистый потолок, потянул три неприметных рычажных переключателя.

– Аварийная система, – объяснил он. – Поглощает углекислоту, выделяет кислород. Запаса реагентов хватит на пару часов, но нам нечего тут расслаживаться, ждут дела.

Татьяна подняла взгляд. Ее настроение резко изменилось, в изгибе губ, во взгляде читалось нежелание следовать сумасбродным идеям Глеба. Их отношения после встречи в реальном мире определенно дали трещину, усложнились, потускнели, утратили притягательность.

Она уже не раз мысленно выругала себя: зачем нарушила привычный и приятный ход событий? Спали бы сейчас каждый в своей кварткапсуле, воспринимая друг друга через сеть. Так поступает большинство нормальных людей. Чисто, опрятно, удобно, безопасно.

– Мне нужно на работу, Глеб, – решительно произнесла она.

На самом деле оба знали – сегодня у нее выходной.

– Танюша, у меня были планы.

– Извини. Нет желания никуда идти, тем более в реале, – она ответила резко, но честно. – Глеб, зачем ты придумал эти дурацкие экскурсии? Разве мы не можем встречаться как нормальные люди?

– В цифровом пространстве? – уточнил он.

– Да! Ты же видел: вчера мне стало плохо в парке! – Татьяну передернуло. – Эти ужасные желтые листья! Деревья голые, всякая мерзость под ногами!

– Осень на дворе, – сдержанно ответил он. – В кафе готовят настоящую, не синтетическую пищу, отсюда и запахи. А мерзость – это насекомые, их, между прочим, специально клонировали, чтобы создать экосистему парка.

– Глеб, я знаю одно: мне там было омерзительно! – резко заявила она, но вдруг осеклась, виновато взглянула на него, тихо добавила: – Извини. Мне правда не по себе! Давай на сегодня все отменим? У тебя «Вирком» какой модели? – Она инстинктивно ухватила за возможность ускользнуть в сетевое пространство, как за спасительную соломинку. – Глеб, мне действительно нужно появиться на работе!

– «Вирком»? – он нахмурился, а затем неожиданно признался: – Понятия не имею.

– Шутишь?! – не поверила она.

– Танюша, я всего неделю как переехал сюда, – ответил Глеб. – «Вирком» не включал, не было необходимости. Хочешь – взгляни сама. А вообще, если честно – я не живу в виртуалке. Появляюсь в Сети только по необходимости.

Она не поверила, нахмурилась. «Как это «не живу в Сети»? Он что, больной или неполноценный?! – промелькнула мысль. – Нет, Глеб просто разыгрывает меня! Ну, конечно! Хотя шутка довольно странная, неуклюжая».

– Позволь спросить: как же мы в таком случае познакомились? – она лукаво и недоверчиво улыбнулась. Действительно, если подумать – смешно! Кто же в наше время способен жить, обходясь без модуля виртуальной реальности? Чем заняться? Сидеть в квартапсуле? Сойдешь с ума. Да и как без работы? В «реале» трудятся только серверы, а все нормальные люди... – Ну, признайся, ты ведь пошутил?!

– Никаких шуток. А познакомились мы случайно. Я проходил обязательный курс практических занятий. «Виртуальная среда обитания как срез человеческой психологии, измененной глобальными процессами урбанизации», – по памяти процитировал он.

Татьяна совершенно растерялась. Обычно они не разговаривали на подобные темы. Так не принято поступать при знакомстве в виртуалке. Расспрашивать, кто ты, чем занимаешься, где живешь, считается не просто дурным тоном – оскорблением. Сеть тем и хороша, что не нужно притираться друг к другу, усложнять отношения. Ну, на самом деле, какая разница, кто есть кто?

– Прости? – Она даже не пыталась скрыть свое замешательство. – Хочешь сказать, что раньше, до нашего знакомства, ты вообще не жил в виртуалке? А чем же ты занимался?!

Ее невольный испуг был понятен Глебу. В мире, где мегаполисы постепенно сливаются друг с другом, поглощая целые материки, вне цифровых просторов Всемирной сети, отлученные от нее, живут только изгои и преступники.

«Нужно было сразу все рассказать, еще на первом свидании!» – с досадой подумал он, а вслух пояснил:

– Я учился в Академии военно-космических сил. Большую часть времени нас тренировали в самой обычной реальности. От рассвета до заката, а иногда и ночи напролет, – он тепло улыбнулся, но его слова только осложнили ситуацию.

– Не могу поверить!.. – Татьяна и без того чувствовала себя крайне неловко, дискомфортно, а тут с внезапной дрожью подумала: а ведь рядом сидит абсолютно незнакомый, мгновенно отдалившийся человек, чужой, непонятный! Ну, зачем? Зачем он так?! Лучше бы промолчал или соврал!

От былой непринужденности не осталось и следа. Произойди все в цифровом пространстве, она бы просто исчезла, чтобы остаться наедине с собой, как-то осмыслить шокирующую новость, но, увы, их встречи,

перешагнувшие за грань, превратили ее в пленницу мира осязаемого, где просто так не растворишься в воздухе!

– Таня, – он сел рядом, взял ее за руку. – Поверь, ничего не изменилось. Я тот же, что и раньше. Просто моя жизнь с детства складывалась иначе. Отец был военным, служил в Российском секторе освоения Марса. Там нет «Виркома», я учился в обычной школе и только потом, уже в летном училище, на Земле, достаточно много странствовал по Сети, но мне, если честно, не понравилось там *жить*.

– И ты молчал?

– А ты ни о чем и не спрашивала.

На минуту в их разговоре наступила пауза.

Серв продолжал ремонт. Сквозь дымчатый пластик облицовки стен медленно проступали, постепенно разгораясь, оранжевые искры индикаторов, – запас реагентов в аварийной системе жизнеобеспечения расходовался быстрее, чем обычно, ведь в кварткапсуле находились *два* человека.

«Нас незаметно разделили, расселили по разным «сотам» и в проект кварткапсул не удосужились заложить самую возможность нормального внесетевого общения!» – невольно подумал Глеб.

– Глеб, – Таня первой нарушила тишину, – я все же взгляну на твой модуль виртуальности, ладно? – Она инстинктивно пыталась ускользнуть в сеть, хотя бы ненадолго.

– Конечно, взгляни, но вообще-то у меня есть другое предложение, – он мягко удержал ее за руку. – Танюша, нам нужно серьезно поговорить. Ответь честно, ты хоть раз покидала мегаквартал?

– Зачем?! – она не поняла вопроса. – Я тут родилась, выросла!

– И никогда не путешествовала?

– Конечно, путешествовала! – она натянуто рассмеялась. – В виртуалке. Глеб, хватит уже надо мной прикалываться! И экстрима с меня достаточно!

Обратить все в шутку не удалось. Он словно не услышал ее, продолжал упрямо допытываться:

– А в реальности? Разве тебе вообще неинтересен настоящий мир, в котором ты живешь?

– Глеб, ты меня пугаешь!

– Танюша, сегодня моя очередь планировать день. Мы ведь договорились, помнишь?

Неприятный холодок появился в ее груди. За три дня, проведенных с ним, Татьяна смертельно устала от мелочей и неудобств, которых просто не существует в цифровом пространстве. Вот только Глеб, похоже, этого не понимает!

На самом деле девушка ошибалась. Он прекрасно видел выражение ее лица, слышал нотки неприязни в голосе. Танюша – типичная горожанка, каких миллиарды, но сердцу ведь не прикажешь.

Глеб серьезно относился к возникшему между ними чувству. Сначала думал: пройдет, как все мимолетное, эфемерное, ни к чему не обязывающее, но ее образ прижился в душе. Обязательные занятия с полным погружением в виртуальную реальность остались позади, а он, тогда еще курсант Академии ВКС, продолжил выходы в сеть, но уже в свободные часы, – так они встречались еще несколько месяцев.

Неделю назад он сдал последний выпускной экзамен, получил звание лейтенанта и покинул академию, переехав в кварткапсулу.

Глеб хотел нормальной (с его точки зрения) человеческой любви. Он предложил встречу в реале, и Танюша неожиданно согласилась.

Однако по прошествии всего нескольких дней их отношения вплотную подошли к кризисной черте.

* * *

Таня не понимала, что с ней происходит. Она подняла взгляд и вдруг с замиранием сердца подумала: «А ведь я боюсь его потерять!»

Глеб улыбался. Тепло, неподдельно. Он словно раздвоился, с одной стороны, вроде бы прежний, близкий, понятный и в то же время – незнакомый, чужой!

Ее мысли путались. Сердце билось неровно.

– Глеб, мне нужно... побыть одной!

– Хорошо, – он не стал упрямиться. – Хочешь, я отвезу тебя домой?

– Ничего не выйдет, – она вздохнула. – Сегодня технический день, по сферовизору объявляли! Идет очистка города. Ни один автопилот не включится.

– Не проблема, Танюша. Я сам поведу.

– Да ладно?! Ты водишь машину?! Сам?!

– Да, вожу машину, умею чинить системы жизнеобеспечения, разбираюсь в сервах.

Она порывисто встала.

– Глеб, получается... что я совсем тебя не знаю?!

– Это я и хочу исправить, – ответил он.

Она растерянно кивнула, но, не в силах продолжать разговор и не находя иного варианта, все же коснулась пиктограммы на голографическом пульте.

Из ниши в полу поднялся комплекс «Вирком», предназначенный для комфортного пребывания человека в виртуальной реальности.

– Извини. Я подумаю. Мне это необходимо...

Она села в кресло, позволила отработать автоматике: взвизгнули приводы, десятки тонких гибких манипуляторов, оканчивающихся датчиками, прильнули к телу, от изголовья выдвинулись сегменты устройства чтения микросигнатур головного мозга, затем дымчатый пластик защитной капсулы сомкнул пять лепестков, и сознание девушки ускользнуло в цифровое пространство.

Глеб лишь сокрушенно покачал головой.

«Как легко изменить человеческое мышление, если с детства прививать определенные стереотипы, – подумал он. – Осознает ли Таня, что ее уход – всего лишь иллюзия?»

Его огорчала возникающая между ними отчужденность, но он искренне надеялся растопить этот хрупкий, еще не окрепший лед.

Произошло столкновение двух диаметрально противоположных мировоззрений: Глеб прекрасно понимал Танюшу, а вот она его – нет.

«Ничего», – думал он, наивно полагая, что первая любовь, даже если она зародилась в виртуальном пространстве, способна выдержать любое испытание.

* * *

Она «вернулась» примерно через час. Серв к этому времени успел завершить ремонт системы регенерации воздуха, и в кварткапсуле восстановился нормальный микроклимат.

Комплекс «Вирком» с тихим шелестом исчез в открывшейся нише, а Татьяна, взглянув на Глеба, спросила:

– Что ты планировал на сегодня?

Он улыбнулся в ответ.

– Хотел сделать тебе сюрприз. Поехали, узнаешь!

Было семь часов утра, когда они вышли из гравитационного лифта на уровне подземного парковочного комплекса.

Татьяну не покидало ощущение, что она совершает безумие. Снова вернулся страх. Надо было сослаться на любую, пусть даже надуманную причину, вызвать аэротакси и упорхнуть от проблем, но она не смогла пересилить любопытство, согласилась на предложение Глеба, даже не представляя, какие потрясения ей предстоит пережить.

Двери мощного и комфортабельного «Аирега» автоматически открылись, сдвинулись вбок и вверх, как только кибернетическая система распознала приближение Понынина.

Водородный двигатель заработал почти бесшумно.

– Глеб, – Таня с опаской и восхищением окинула взглядом мощный флайкар. – Я еще никогда не ездила без автопилота!

– Не бойся. Я хорошо вожу машину, – сдержанно ответил он.

– Может, все-таки объяснишь, куда мы поедem? – Таня устроилась на пассажирском сиденье. – И зачем?

– Хочу познакомить тебя с моей жизнью, – спокойно ответил он. – Настоящей жизнью, не выдуманной. Без аватаров, виртуальных тусовок, ощущений, которые синтезированы и переданы по Сети.

– Реальная жизнь способна свести с ума, – Татьяна пристегнулась. – Я сегодня это уже почувствовала!

– Да, согласен. Но настоящие ощущения бывают разными.

«Аирег» плавно тронулся с места, выехал с парковки, мягко вписался в поворот, затем влился в транспортный поток на развилке скоростных магистралей. Несмотря на «технический день», машин на дороге хватало, движение было достаточно плотным. Серые очертания кварталов мегаполиса «Сибирь» терялись в желтоватой дымке, дорога то ныряла в тоннели, то вливалась в разломы улиц, то вдруг выводила на простор лепестковых развязок, открывая взгляду удивительные панорамы мегагорода.

Архитектура эпохи глобальной урбанизации подавляла сознание.

Каскады жилых комплексов, массивные в основании, устремлялись ввысь, постепенно разделялись, приобретая изящество, тонкие нити многократно переплетающихся дорог, свитые в кружево транспортных развязок, соединяли здания, захлестывали их петлями и вновь разбегались, будто паутина. Мегакварталы издали напоминали выветренные горные хребты, город, вздымающийся выше облаков, захвативший территорию четверти континента, воцарившийся на месте исчезнувшей тайги, оставлял ощущение мрачной монументальности.

«Торжество ли он созданных человеком технологий или памятник эпохе глобальной урбанизации, который вскоре опустеет?» – часто спрашивал себя Глеб.

Сложно ответить однозначно. Новая среда обитания изменила психологию целых поколений, для них мегаполис – самое надежное, уютное, комфортное место на Земле.

Он молча вел машину, замечая, как Танюша смотрит по сторонам, и в ее глазах восторг сменяется оттенками подавленности, даже отчаянья.

«Ничего.

Сегодня мы снимем все вопросы, уберем недомолвки, посмотрим в глаза друг другу и поймем, сойдутся ли вместе наши пути».

– Глеб, куда мы едем?

– В космопорт.

– Зачем?! – она не на шутку испугалась.

– Хочу показать тебе Землю из космоса.

– Я видела, и не раз!

Он промолчал. Не было смысла спорить, в чем-то разубеждать ее.

Окраинные мегакварталы остались позади, их очертания стерла желтоватая дымка смога, дорога, ровная как стрела, теперь шла с небольшим уклоном, мимо мелькали приземистые, всего в десять-пятнадцать этажей строения пригорода.

«Аирег» набрал скорость, вырвался на простор и уверенно нес их прочь от города.

– Глеб, давай вернемся! – Тревога девушки стала просто нестерпимой.

– Почему? – он взглянул на нее, ободряюще улыбнулся.

– Смотри на дорогу! – взвизгнула она.

– Танюша, все нормально, – Глеб все же сбавил скорость, а затем свернул на ближайший паркинг. – Чего ты испугалась?

– Не знаю! Мне... Мне страшно!..

Она коснулась сенсора стеклоподъемника, вдохнула влажный и холодный утренний воздух. Вдали от мегаполиса появились незнакомые запахи, и это тоже пугало. Душа и разум находились в полнейшем смятении.

Глеб молчал, проявляя терпение, давая ей время. Для городского жителя, впервые покинувшего мегаквартал, Таня вела себя на удивление стойко. Он понимал, она переживает тяжелый психологический удар, но это неизбежно.

– Ты вообще-то молодчина. На самом деле не произошло ничего страшного. Мы просто выехали за город.

Она поежилась, не то от холодного влажного ветерка, врывающегося в салон через приоткрытое боковое окно, не то от нервного напряжения, не отпускающего ни на секунду.

– Глеб, а ты не думал, что меня и так все устраивало? – Ее дыхание стало частым, неровным, пальцы впились в ремни безопасности.

– Конечно, ведь тебе не с чем было сравнивать! Виртуалка, кварткапсула, фантомные чувства, фантомная жизнь – все это как минимум однобоко! Так не должно быть, Танюша!

– Глеб, меня устраивает кварткапсула, устраивает все! Жизнь, работа, друзья, даже встречи с тобой, те, самые первые!

– Ощущения и чувства, переданные через Сеть? Свидания в цифровой среде? Симуляция жизни?

– Это наши чувства, наши ощущения, только переданные иным способом! – резко возразила она.

– Таня, это подмена. Эрзац-жизнь. Искусственно созданная среда, которая, по сути, – ловушка для миллиардов сознаний!

– Я не понимаю тебя! – она отвернулась, глядя на котлованы, окруженные серо-коричневыми отвалами почвы. Огромные машины закладывали фундаменты для очередного экспансивного расширения мегаполиса.

– Мы стали обитателями техносферы, – Глеб пытался доказать свою позицию. – Звучит неплохо, правда? Но на самом деле мы перешагнули черту, превратились в ее заложников! Сегодня утром сломался регенератор воздуха, и что бы ты делала, не явись по вызову ремонтный серв?

Она задумалась.

– Ушла бы на работу.

– Вот видишь, – он взял ее за руку. – Ты даже не замечаешь подмены понятий. Ты никуда бы не ушла, а закрылась бы в коконе защитной капсулы «Виркома»! А если вдруг рухнет Сеть, иссякнет энергия, отключатся механизмы, поддерживающие город в исправном состоянии?!

– Зачем ты меня постоянно пугаешь?!

– Нет, Танюша, это простой вопрос. Каждый здравомыслящий человек однажды должен задать его себе!

– Чтобы жить в постоянном страхе?! – она нервно усмехнулась, тень неприятия, даже отвращения коснулась ее лица. – Глеб, ты ненормальный! Не надо было мне соглашаться, когда ты предложил встретиться в реале!

– Жалеешь?

– Нет... Иногда... Не знаю! – она закрыла лицо ладонями.

– Хочешь повернуть назад?

Она молчала.

– Танюша, Земля перенаселена, – Глеб хотел пробиться через ее страх, не понимая, что делает только хуже. – В академии нас учили видеть мир таким, каков он есть, но не принимать его бездумно, а анализировать, разбираться в сути происходящих явлений. Поверь, техносфера не настолько надежна, как внушает реклама. Психология ныне живущего поколения искажена с самого детства. Автоматизированное пространство размером чуть больше купе кажется нам уютным. Ядовитый воздух за окном – ничего страшного. Мы бежим в виртуальную реальность и там по-настоящему живем, любим, ненавидим, создаем социальные связи, но собственных соседей не знаем ни по именам, ни в лицо! Нас ждет медленное, неизбежное вымирание. Природа уже практически уничтожена, вокруг – царство машин. Демографическая политика нацелена на сокращение рождаемости, и виртуалка как среда обитания этому прямо способствует!

– Это *мой* мир, – тихо, но упрямо произнесла Таня. – Зачем ты хочешь его сломать?!

– Ты мне небезразлична. Я хочу показать тебе иную реальность, иные возможности. А ты сама примешь решение, нужно тебе что-то менять или нет. Согласна?

Она глубоко задумалась, затем тяжело вздохнула:

– Хорошо, поехали...

Глеб видел ее подавленное состояние, понимал его неизбежность. Он лишь приоткрыл дверцу клетки, в которой выросла Таня, а все остальное теперь зависело от нее.

Через минуту «Аирег» вновь вырулил на трассу и устремился к космопорту.

* * *

Врата Миров запретной системы, в недавнем прошлом тщательно оберегаемой армахонтами от каких-либо посещений, располагались на изрядном удалении от обыкновенного, ничем не примечательного желтого солнца. Вокруг царили мрак и холод, в пространстве перемещались ядра комет – космический мусор, оставшийся после формирования планет из газопылевого облака, окружавшего звезду миллиарды лет назад.

Ц’ост приступил к сканированию. Чуткие приборы космического корабля определили наличие цивилизации, находящейся на ранней стадии научно-технического прогресса, об этом свидетельствовали затухающие сигналы космической связи, искаженные фрагменты передач в различных диапазонах волн.

Загадочные существа уже приступили к освоению космического пространства родной системы, даже колонизировали некоторые планеты и спутники!

Обычно именно на этом этапе армахонты вступали в контакт с развивающейся цивилизацией, предлагая выбор: принять общегалактические

законы, стать частью межзвездного сообщества или отвергнуть это предложение, оставаясь в границах своей звездной системы.

Логика выбора была проста. Принимая галактические законы, молодая цивилизация получала доступ к глобальной внепространственной сети и по мере роста населения могла подать заявку на колонизацию иных миров, получить право на освоение подходящих планет, зачастую расположенных на удалении в десятки тысяч световых лет от их метрополии.

В обмен на интеграцию существа, вступающие в Содружество, отказывались от собственных экспансивных программ, брали на себя обязательство следовать единым законам Обитаемой Галактики, жить в мире с другими цивилизациями.

Такая схема успешно работала. Никто не пытался подавить технический прогресс молодых цивилизаций, жесткие запреты и ограничения действовали лишь в сфере разработки вооружений и некоторых потенциально опасных технологий, связанных с созданием искусственных интеллектов, киборгизацией, а также экспериментов с пространством и временем.

Молодые цивилизации не теряли самоидентичности, их история, культура считались неприкосновенными, никто не смел вмешиваться во внутренние дела молодых рас, если те прямо не нарушали договор с армахонтами.

Ц'ост знал немало примеров, когда ситуация складывалась точно наоборот. Некоторые разумные существа, самостоятельно вышедшие в космос, наотрез отказывались от интеграции.

Армахонты никогда не действовали силовыми методами. Они владели уникальной технологией, на создание которой у них ушли тысячи, а быть может, и миллионы лет, – никто не знал истинного возраста древнейшей расы обитаемого космоса. Если молодая цивилизация отказывалась присоединиться к галактическому сообществу, ее просто оставляли в покое. Еще никому в рамках обозримой истории не удалось повторить открытие

армахонтов, постичь физику иного измерения, спроектировать устройства, способные пробить метрику пространственно-временного континуума.

Таким образом, все решалось просто: Врата Миров, заранее установленные в системе, где развивалась молодая цивилизация, консервировались. Существа, отказавшиеся вступить в общегалактический союз, могли следовать собственному пути развития. Путешествия к другим звездам на досветовых скоростях не давали шанса основать успешные колонии. Планеты, пригодные для жизни, в Галактике встречались редко, и только внепространственная сеть армахонтов предоставляла возможность динамичного развития.

К «неприсоединившимся» относились спокойно. Их системы не посещали корабли других цивилизаций, и только спустя века следовало повторное предложение.

Мудрость древнейшей космической расы несла порядок и процветание.

Мысли ц'оста, окрашенные печалью, нарушил сигнал датчиков слежения. Приборы обнаружили искусственно созданный объект. Им оказался примитивный космический аппарат. Вероятно, он стартовал еще на заре космической эры и вот теперь достиг границ звездной системы, чтобы следовать дальше, в бездонный мрак, неся на борту сведения о разумных существах, заявляющих о себе таким достаточно примитивным способом.

Он отдал команду детально сканировать объект, а сам переключил внимание на устройство пробоя метрики.

Врата Миров находились в исправном состоянии. Никаких признаков консервации, хотя система явно запретная.

«Да что уж теперь? По самым грубым подсчетам, армахонтам потребуется тысячелетие, чтобы восстановить разрушенный участок Сети. Наш сектор изолирован, – вновь подумал он, – и мне нужно беспокоиться о проблемах насущных».

Большинство технологий, разработанных армахонтами, бесполезны в чужих руках. Техносфера великой цивилизации всегда делилась на две

составляющие. Одни устройства предназначались для общего пользования, другие, наиболее важные и продвинутые, подчинялись только своим исконным хозяевам и создателям. В любой из обитаемых систем можно найти станции и космические корабли, управлять которыми способны лишь армахонты. И причина не только в уровне подготовки существ иных цивилизаций. Взять, к примеру, станции Н-болг. Метаморфы знают их досконально, но ни у одного из них нет доступа к первичным системам управления. Они способны эксплуатировать узлы внепространственной Сети лишь в узких рамках делегированных полномочий. Если требуется создать новый маршрут, переместить станцию в иную звездную систему, заблокировать определенные каналы, перенаправить энергию, установить и активировать дополнительные модули, – тут без армахонта не обойтись. Только существо, обладающее уникальным для вселенной геномом, способно одним прикосновением вершить великие дела...

Пытались ли метаморфы использовать свою способность к ассимиляции генов, чтобы получить не сравнимое ни с чем могущество?

Да, несомненно, хотя такие операции проводились тайно.

Ничего не вышло.

Он просмотрел данные, полученные со сканеров, и внезапно тень искажений пробежала по облику ц'оста.

В состоянии крайнего смутения, удивления или испуга метаморфы иногда теряют осознанный контроль над своим телом, на волю вырываются древние инстинкты, плоть мгновенно трансформируется, сливаясь с окружающим фоном в машинальной защитной реакции.

Через некоторое время он немного успокоился, стабилизировал облик, вновь взглянул на данные сканирования.

Невероятно!..

Непроизвольные искажения мгновенно вернулись. Метаморф впервые столкнулся с ситуацией, когда разум отказывался верить увиденному!

Внутри примитивного космического аппарата была заключена золотая пластина с изображением двух разнополюх существ.

Ц'ост был в шоке.

Армахонты?!

Радостное, лихорадочное чувство охватило его: «Неужели в наш сектор вернется былой миропорядок?!»

Он тут же осекся в мыслях, задав себе простой, логичный вопрос: зачем армахонтам создавать столь примитивное устройство, да еще отправлять его в глубокий космос?

Наверное, существа, населяющие эту звездную систему, уже контактировали с армахонтами, возможно, те посещали их в далеком прошлом при установке Врат Миров, и первобытные создания, находившиеся в ту пору на ранних стадиях развития, запомнили их облик, возможно, приняли за богов, и вот теперь, приступая к освоению космического пространства, они отправили это послание, адресованное в никуда, как некий символ, знак, говорящий: мы помним вас, вы живы в наших легендах.

Это обязательно нужно проверить!

* * *

Ц'ост не привык к долгим путешествиям на досветовых скоростях, его корабль не был приспособлен для столь длительного поддержания жизни пилота. Обычно устройства пробоя метрики располагались у обитаемых планет, рядом с ними неизменно находились станции Н-болг, где путешественник мог передохнуть, пополнить запасы.

Оценив ресурс своего корабля, метаморф, используя уникальные возможности организма, впал в состояние, схожее с гибернацией.

Так его далекие предки переживали пики неблагоприятных условий окружающей среды в ту пору, когда еще шли путем эволюционного развития на своей родной планете.

Он на некоторое время «выключился» из восприятия, но системы корабля продолжили сбор информации. Колония алгитов поддерживала курс, датчики различного профиля сканировали пространство, по крохам выявляя признаки деятельности разумных существ.

Он очнулся, когда корабль пересек орбиту четвертой планеты.

Просмотрев собранные данные, метаморф вновь испытал шок. Его изначальные предположения не имели ничего общего с истиной! Он даже представить не мог, какую тайну хранил запретный маршрут!

Существа, именуемые хомо, обладали просто невероятным сходством с армахонтами, но находились на столь низкой ступени развития, что идентифицировать их как «высших существ» было бы неверно!

«Быть может, я случайно нашел одну из древнейших колоний армахонтов?!» – подумал Ц'ост, продолжая изучать поступающие данные. Иное предположение просто не приходило в голову.

«Они деградировали в силу неизвестных мне причин и вновь прошли долгий путь развития?!»

Но почему система отнесена к категории запретных?

Разве наличие Врат Миров не подтверждает, что армахонты знали об этой цивилизации, наблюдали за ней?!

А что, если хомо – генетический эксперимент армахонтов?!» – промелькнула догадка.

Ц'ост прекрасно понимал: такой шанс выпадает лишь однажды. Теперь, когда былой миропорядок рухнул, никто не осудит его за попытку ассимилировать гены этих существ, произвести запрещенные ранее исследования!

«Я должен действовать осторожно. Эти существа примитивны, и неизвестно, как отнесутся они ко мне».

Выбирая меньшее из зол, он решил следовать своей природе. «Не время сейчас думать о гуманности. Слишком многое зависит от качества отбора

генетического материала! Мне придется стать одним из них, это необходимо в целях получения исчерпывающей информации!»

Он передал алгитам инструкции, включил системы маскировки и начал сближение с одной из космических станций хомо, которая обращалась по орбите вокруг третьей планеты.

* * *

– Ну вот, видишь? Ничего страшного, – Глеб протянул Тане руку, помог расстегнуть страховочные ремни, встать из противоперегрузочного кресла.

У нее гудело в ушах, внутри стыл ледяной ком, все тело казалось ватным, чужим, и одновременно – ныла каждая мышца. Перегрузки, сменившиеся на короткое время состоянием невесомости, превратили полет в кошмар, – пока экскурсионный корабль выходил на околоземную орбиту, маневрировал, осуществлял стыковку со станцией, Тане казалось, что она просто не выдержит, погибнет, но что самое ужасное – она не могла прервать это, привычно и непринужденно ускользнуть от неприятных ощущений!

Бледная, осунувшаяся, подавленная, она с трудом встала, чувствуя, что уже яростно ненавидит эту нелепую, убогую реальность!

В пространствах «Виркома» все иначе. Легко, свободно, ненавязчиво. Нет, ну надо быть полной дурой, чтобы согласиться на эту чертову реальность! И ради чего?!

– Взгляни. – Глеб подвел ее к огромному панорамному окну, откуда открывался вид на космическую верфь, плывущую по орбите вокруг Земли.

На освещенной части планеты сквозь белесую вуаль облаков виднелась синь океанов, угадывались коричневато-серые участки суши, а там, где сейчас властвовала ночь, мириады огней очерчивали контуры мегаполисов. Словно исполинские существа, сотканные из света, они притаились во тьме, полыхая прозрачными аурами, протягивали навстречу друг другу мерцающие огненные сплетения дорог, как будто стремились лишь к одной цели – слиться воедино.

– Я сто раз это видела! – она с отвращением отвернулась. – Обычный экран с видом на Землю!

– Не экран. Это настоящее панорамное окно, созданное из слоев наноматериала.

Татьяна подняла взгляд, скользнула им по очертаниям орбитальной верфи, и в ее сознании вдруг что-то переключилось: яркие немигающие россыпи звезд, глубокая тьма, тонкие контуры рукотворных конструкций, плывущие на фоне абсолютного мрака, – все это мгновенно слилось в остром восприятии *реальности* – она стояла подле тонкой, совершенно ненадежной преграды, отделяющей ее от Бездны...

У нее резко закружилась голова. Острые, никогда не испытанные ранее чувства обрушились, оглушили, ледяной ужас захлестнул сознание, резко закружилась голова, к горлу подступил ком.

– Глеб, зачем все это?! Я не могу! Мне плохо!

– Танюша, успокойся. Ты в полной безопасности, поверь!

– Я так не думаю... Мне здесь совершенно не нравится! – Она старательно отводила взгляд, не в силах еще раз посмотреть в глаза бесконечности. Острые колющие искорки звезд теперь казались ей враждебными, даже взгляд, украдкой брошенный на Землю, уже не успокаивал. Ее лицо побледнело, она ничего не могла с собой сделать, лишь чувствовала все усиливающую дурноту да растущее состояние паники, страха, ужаса.

– Где здесь туалет? – сдавленно спросила она.

– Пойдем, я покажу.

Глеб провел ее по узкому коридору, указал на овальную дверь.

«Похоже, наша экскурсия завершилась», – сокрушенно подумал он.

В этот миг от переборки вдруг отделилась странная тень, похожая на сгусток уплотненного воздуха.

«Это еще что такое? – взгляд Глеба скользнул по облицовке, но не нашел ничего, способного сформировать облако газа. – Какой-то сбой

систем?! – Он замер, подметив, как эфемерное образование вдруг приняло контуры человеческой фигуры и словно просочилось сквозь стену! – Нервы пошаливают? С чего бы?»

На всякий случай он соединился с системой станции, через кибстек передал информацию о странном явлении, но ответ, немедленный и категоричный, унял тревожное чувство.

Датчики, расположенные в коридоре, не зафиксировали никаких аномалий.

«Померещилось, наверное», – подумал Глеб.

* * *

Оставшись одна, Татьяна с трудом уняла бешеное биение сердца.

«Что со мной происходит?» Как будто оттуда, из бездонного мрака, кто-то холодно и пристально взглянул ей в глаза, а затем стиснул горло, и теперь желудок выворачивало, предметы двоились, душа сжалась в комок, чувство глобального, тоскливого одиночества, острое осознание своей ничтожности перед бездной космического пространства уже не отпускали ни на миг.

Она умылась, взглянула на себя в зеркало.

Бледная, как-то вмиг осунувшаяся, она стояла, опираясь руками о раковину, пытаясь подавить спазмы желудка, но не вышло.

Господи, какой уютной, родной казалась сейчас тесная кварткапсула!

Она не понимала, что же хотел показать ей Глеб?! «Неужели он думал, что мне понравится происходящее?!

Нет, нам нужно вернуться. Я уговорю его!»

Татьяна вздрогнула, замерла. Ей вдруг показалось, что кто-то подошел сзади, мягко обнял, – потливым жаром вдруг обдало все тело, на миг она почувствовала парализующую боль, но через пару секунд ощущения схлынули, осталось только неистовое желание: бежать отсюда!

– Глеб?! – Она обернулась, но за спиной никого не было.

Нетвердой походкой, придерживаясь рукой за переборку, она сделала несколько шагов, открыла дверь, вновь позвала:

– Глеб...

Он мгновенно оказался рядом, бережно поддержал ее.

– Я не хочу здесь оставаться! – она балансировала на грани истерики. – Ни минуты! Мне плохо и страшно!

– Хорошо. Потерпи. – Полынин взглянул на кибстек. – Челночный корабль отчаливает через пятнадцать минут. Он у седьмого шлюза. Успокойся, мы возвращаемся.

* * *

Земля. Мегapolis «Сибирь». Сутки спустя

Таня проснулась среди ночи.

Она почти ничего не помнила. В сознании остались лишь обрывочные воспоминания о шокирующей экскурсии на орбитальную станцию.

«Я снова в кварткапсуле у Глеба?! Поверить не могу!..» – она закрыла лицо ладонями, но мысли, ощущения смешивались, будто в ее рассудке поселился кто-то еще, совершенно не испуганный, наоборот, взиравший на мир со здоровым любопытством.

«Я схожу с ума!»

Она откинула одеяло, встала, с безотчетным ужасом взглянула в сторону окна, вскользь подумала: какой примитивный экран.

Чужие, непонятные, не присущие ей мысли и ощущения возникали внезапно и тут же исчезали, оставляя тающий след боли.

Она повернулась, с неприязнью посмотрела на Глеба. Он спал.

Она не знала, что делать, совершенно растерялась. «Сейчас он проснется и снова будет мучить меня своими пространственными пояснениями, будто не понимает – я не хочу ничего слышать!»

Таня зябко поежилась. В пространстве три на четыре метра не спрячешься друг от друга. Даже всплакнуть негде. Система, неотрывно

следящая за ней, мгновенно отреагировала потоком теплого воздуха, тупая автоматика не понимала, что ее трясет не от холода!

Она зачем-то подошла к окну, коснулась сенсора, включая режим прозрачности.

Город истекал светом. Днем он обычно выглядит серым, невзрачным, ночью же расцветает мириадами огней, которые текут, завораживают, роятся меж плавными изгибами мегакварталов.

На глаза навернулись слезы.

«Это не мои мысли! Чему я удивляюсь, чем люблюсь?! Господи, да я, наверное, и вправду сошла с ума?!»

Слезы непроизвольно текли по щекам.

– Танюша? – Глеб проснулся.

Она ничего не ответила.

– Давай поговорим, – он подошел, обнял ее за плечи.

– О чем? – Она вновь зябко поежилась, словно его ладони источали холод.

– О нас.

– Глеб, у нас разные жизни, – тихо ответила она. – Чего ты хочешь? Зачем мучаешь? Отпусти, прошу!

– Разве я удерживаю тебя?

Ее мысли внезапно поменяли направление.

Она села, бессильно опустила руки. Хотелось бежать, но... нельзя! Нужно узнать больше!

– Глеб, что случилось на станции? Почему я снова тут, у тебя? – глухим, ровным, неживым голосом спросила она.

– Тебе стало плохо. Разве не помнишь?

– Нет, – она покачала головой.

– И нашего разговора не помнишь?

– Нет.

– Ладно, – он взял ее за руку. – Ты сама попросилась остаться у меня.

– Неужели? – В ее голосе вновь прорвались истеричные нотки. – И зачем?

– По дороге из космопорта я получил сообщение, – Глеб списал ее состояние на шок. «Сам виноват. Ну, ничего, все будет нормально. Она придет в себя, и мы спокойно обо всем поговорим».

– Что за сообщение? – Губы Тани дрогнули. Она задала вопрос машинально, ответа ей знать совершенно не хотелось, но непонятная сила вновь на миг овладела сознанием. «Я не выдержу...» – эта тоскливая мысль, несомненно, принадлежала ей.

– Я получил назначение. Зачислен в штатный экипаж колониального транспорта «Одиссей». Разве ты не помнишь?

– Нет. И что это меняет? – Ее охватила злость. Мгновенные перемены настроения происходили помимо воли. – Ты теперь исчезнешь из моей жизни?

– Ну, зачем ты так?! – обиделся Глеб. – Танюша, это же моя мечта!

– Вот видишь, а я выпадаю из твоей мечты, из твоего смысла жизни! – она отвернулась, закрыла лицо руками. Ей хотелось бежать, плакать навзрыд.

Кибернетическая система тем временем по-своему истолковала поведение людей. Кровать автоматически сложилась, из ниши в полу поднялись два кресла, над изгибом барной стойки вспыхнул неяркий свет, на дымчатой панели подсветились строки меню из ближайшего ресторана.

– Таня, не заставляй меня оправдываться. Попытайся понять. Наша разлука будет недолгой.

Она села в кресло.

– Глеб, я так не могу! Я начинаю сходить с ума. Мы разные! Пойми!

Он присел рядом, на мягкий широкий подлокотник, попытался успокоить ее, но тщетно.

– Я боюсь... – Ее плечи мелко подрагивали.

Таня крепко зажмурилась, но стало только хуже. Она честно пыталась понять Глеба, представить их совместную жизнь, но ничего не получалось.

– Что нас ждет в колонии, Глеб? У меня подруга на Ганимеде. Мы иногда общаемся по Сети. Там же нет ничего, кроме пустошей, да и Марс не лучше! А полет?! Одиннадцать месяцев в криогенной камере?!

– Таня, о чем ты? Насмотрелась фильмов об истории колонизации? На Марсе и Ганимеде изначально не было жизни! Там едва начались процессы терраформирования! А криогенными камерами пользуются только при внутрисистемных перевозках. Мы же говорим о другой планете, об иной звездной системе! Колониальный транспорт «Одиссей» – корабль нового поколения. Он совершает прыжок между звездами через пробой в метрике пространства и времени. Ты даже испугаться не успеешь!

– Да? И кто же меня пустит на борт? Ты слышал о конкурсе? Полно безумцев, готовых все отдать, лишь бы попасть в список колонистов!

– Они не безумцы. Новая Земля – наша надежда.

– Ты не ответил на вопрос.

– У нас еще есть время. Стань моей женой, и все барьеры рухнут. Я отправлюсь на Новую Землю в первой волне, а со вторым рейсом «Одиссея» прилетишь ты. Ну? Соглашайся!

У Тани вдруг замерло сердце.

– Ты... сделал мне предложение?!

– Да.

– А подумать можно? – она невольно улыбнулась сквозь слезы.

– Конечно. – Глеб тоже улыбнулся в ответ. Ему казалось, все будет хорошо.

* * *

Таня долго не могла уснуть. Лежала, глядя в потолок кварткапсулы, невольно прислушиваясь к щемящему, неосознанному, тревожному чувству.

Ее взгляд внезапно утратил осмысленность. В эти секунды девушка, которую любил Глеб, исчезла. Ее рассудок на время угас, тихо, без боли, без осознания происходящего.

Несколько минут она лежала неподвижно, затем встала, налила себе стакан сока, сделала глоток и вдруг замерла.

По чертам лица пробежало уродливое искажение. На миг исчезла линия губ, затем видоизменились глаза, а через пару секунд облик вновь стабилизировался.

Дрожь гуляла по телу. Анализ чужого ДНК, наконец, завершился, бионическая база данных пополнилась драгоценным образцом, оставалось лишь испытать на практике доставшееся с таким трудом приобретение.

Таня подошла к столику, открыла свою сумочку, извлекая оттуда странный предмет, выполненный в форме браслета, прикоснулась к нему, но безрезультатно.

По лицу вновь пробежала рябь искажений.

Неудача? Не может быть! Ведь ДНК хомо полностью ассимилирована!

Рекомбинация генов.

Ее облик вновь исказился, черты лица стали размытыми, нечеткими, череда метаморфоз, невозможных для человека, сопровождалась судорогой.

Глеб заворочался, но не проснулся.

Тело испытывало муки. Невыносимая боль. Пылал каждый нерв.

Рекомбинация завершена.

Ледяной пот выступил по всему телу.

Артефактное устройство, явно не принадлежащее к сумме человеческих технологий, опять не отреагировало на прикосновение.

Ц'ост не стал повторять рискованную попытку. Еще одна случайная рекомбинация генов вряд ли приведет к нужному результату, а вот человеку нанесет непоправимый вред. Ему предстояли сотни экспериментов, нужно работать, претерпевать трансформацию за трансформацией, прежде чем станет ясно, удастся ли вообще подобрать ключ к неограниченной власти, вырваться из разряда младших космических рас, получить доступ к небывалой мощи, оставшейся после исчезновения армахонтов.

Как хотелось сбросить неудобную личину!

Он обернулся, пристально посмотрел на Глеба.

«Стать ему верной женой? Нет, пожалуй. Бессмысленная трата времени. Я получил драгоценные образцы генетического материала, теперь пора оставить в покое этих непредсказуемых хомо».

Серая тень отделилась от человека, слилась с материалом стены.

...

Таня как будто проснулась, обвела удивленным взглядом обстановку кварткапсулы.

«Что я тут делаю?»

Она взглянула на спящего Глеба, затем, следуя внутреннему порыву, активировала нанокомп, быстро набрала короткую строку сообщения, оделась, вызвала аэротакси.

* * *

Глеб открыл глаза.

В воздухе кварткапсулы витал странный, неприятный запах.

– Танюша? – он привстал, осмотрелся.

Ее не было. Лишь на прикроватном столике лежал тонкий электронный планшет с короткой запиской, оканчивающейся размашистой, знакомой подписью:

*Глеб, прости, мне не нужна такая жизнь. Будь счастлив. Не ищи меня.
Таня.*

...

Ц'ост покинул человеческий организм, не причинив ему вреда.

Пока Татьяна приходила в себя, принимала решение, он растекся по стене серой кляксой, имитируя облицовочную панель.

Теперь, когда один человеческий геном уже скопирован, дальнейший сбор генетического материала не вызывал затруднений.

Ц'ост размышлял, находясь в полной безопасности. Он видел, как проснулся Глеб, некоторое время наблюдал за ним, затем вновь глубоко задумался.

Знак равенства между армахонтами и хомо ставить рано. Прежде чем сделать какой-либо вывод, предстояло провести множество экспериментов.

Ц'ост прекрасно понимал: во Вселенной нет абсолютно идентичных существ. Каждая из разумных рас, развиваясь в уникальных условиях родной планеты, несла в своих генах наследие неповторимого эволюционного пути.

Но вопреки логике генетический материал хомо и армахонтов оказался настолько схож, словно они являлись выходцами из одного и того же мира!

«Может быть, хомо – всего лишь «резервная копия»? – Иное сравнение не приходило на ум. – Армахонты – очень древняя раса. Но они не колонизируют другие планеты, предпочитая жить в своем родном мире, расположенном за сотни тысяч световых лет отсюда».

В масштабах освоенной Галактики численность цивилизации армахонтов выглядела ничтожной. Они всячески старались избежать мутаций, но ведь известно, что природа Вселенной никогда не подчиняется воле живых существ.

Возможно, они создали на Земле хранилище генофонда и забирали отсюда лучших представителей рода человеческого, как говорится, вливали свежую кровь в свою постепенно стареющую цивилизацию?

Удобный во всех отношениях вывод, но он не согласовался с историей Земли. Ц'ост не только ассимилировал гены, пользуясь информацией, полученной из рассудка Татьяны, он подключился к сети и усвоил огромные объемы общедоступных данных.

«Как быть с историей развития цивилизации хомо? Например, с археологическими и антропологическими находками, прямо указывающими: этот вид разумных существ эволюционировал именно тут, на Земле!

Важна не их история, а генетический материал! – он ожесточенно спорил сам с собой. – Я потрачу время и силы, изучая эту примитивную цивилизацию, но разве моя цель заключается в том, чтобы понять хомо?

Нет. Мне не нужно их понимать! Необходимо собрать разнообразные генетические образцы и использовать их на благо моей расы! А историей этих существ можно заняться позже!»

Он принял решение и больше не сомневался в дальнейших действиях. Оставалось сообразить, как сохранить его деятельность в тайне.

Наилучшее решение – заблокировать Врата Миров, чтобы больше никто не нашел путь сюда!

Ц’ост так глубоко задумался, что не обращал внимания на Глеба, пока тот не включил сферовизор.

Передавали новости. Главной темой дня было падение крупного астероида, взорвавшегося над поверхностью планеты в труднодоступном горном районе.

Метаморфа заинтересовало это событие. Он незаметно сформировал орган зрения.

Глеб безуспешно пытался вызвать Таню по коммуникатору, затем решил отыскать ее в Сети. Он лишь краем сознания воспринимал информацию о неожиданном событии.

В центре кварткапсулы из пола поднялось кресло, предназначенное для соединения с Сетью. Экран сферовизора погас, но ц’ост снова включил его, как только сомкнулись лепестки капсулы «Виркома» и рассудок Глеба погрузился в цифровое пространство.

На канале новостей вновь и вновь возвращались к главной теме дня. Одному из репортеров удалось получить любительскую видеозапись события, и теперь ее показывали миллиардам зрителей.

Ц’ост заинтересованно просмотрел кадры, запечатлевшие падение небесного тела.

Его планы оказались под угрозой срыва. Он сумел правильно оценить случившееся.

Действовать. Немедленно действовать!

Судьба цивилизации хомо, похоже, предрешена. Не он один решил изучить внезапно открывшийся маршрут!

Нужно убираться отсюда. Он не хотел стать невольным участником еще одной цепи роковых событий. Сектор, охваченный войной, стремительно катился к гибели, к хаосу, а он хотел сохранить и по возможности воссоздать былое величие мирного сосуществования многих космических рас. И помочь в этом могла лишь техника армахонтов.

Мысли, промелькнувшие в сознании ц'оста, предопределили не только последовательность его дальнейших действий, но и выбор звездной системы, где бы он мог скрыться.

Он мысленно сформировал карту доступных маршрутов, изучил ее, просмотрел пометки, говорящие о техническом состоянии Врат Миров.

Его внимание привлекла одна из запретных ранее систем.

Там располагалась крупная база армахонтов, уничтоженная одной из первых, когда поднялось восстание.

Врата Миров, судя по алому маркеру, сильно повреждены. Никто не решится использовать этот маршрут. Слишком велик риск. Неисправности в устройстве пробоя метрики обычно приводят к дезинтеграции космических кораблей, но ц'ост знал, как можно справиться с проблемой. «По крайней мере, еще один раз использовать устройство я смогу! – думал он. А что будет дальше?

Это покажет время. Охваченный пожаром войны сектор – худшее место для долгих и кропотливых исследований. На бывшей базе армахонтов я буду в полной безопасности. А когда техника великой цивилизации подчинится мне, восстановление Врат Миров уже не будет выглядеть сверхзадачей.

Оттуда, из заблокированной звездной системы, в случае успеха начнется возрождение былого миропорядка с одним исключением – место армахонтов займут ц'осты!»

Ради такой перспективы стоило рискнуть.

* * *

Земля. Мегapolis «Сибирь». Ноябрь 2071 года

Из окна кварткапсулы не увидишь звезд.

Глеб мрачно и пристально смотрел на вечерний город. Вернее, на крошечный его фрагмент: плавный поворот закругляющейся стены, по которой пробегали яркие блоки начерченной лазерами рекламы.

«Больше не могу», – честно сказал себе он.

Мечта медленно умирала, а вместе с ней исчезал смысл жизни. Цепь необъяснимых событий, следовавших одно за другим, надламывала судьбу.

Сначала исчезла Таня. Он так и не смог отыскать ее. Звонил, но не получал ответа. Выходил в Сеть, но она оставила прежнюю работу, ее аватар нигде не появлялся. Кварткапсулу она сменила.

Многомиллиардный город поглотил ее, будто песчинку.

Глеб тяжело переживал случившееся, винил себя, не прекращал поисков, но новые и новые потрясения постепенно заполняли пустоту, затушевывали образ Тани.

...На следующий день после ее исчезновения ему позвонил Серега Вахрушев. Они вместе учились в академии, но после выпуска не встречались, у каждого были свои дела.

– Привет, – Глеб неохотно ответил на вызов.

– Здорово. – Голос Сереги звучал встревоженно. – Новости слышал?

– Нет.

– Генерала Юранова отстранили от должности!

– Ты с ума сошел? – не поверил Польшин. Юранов для военно-космических сил фигура одиозная. Сместить его с должности? Да никто бы не посмел!

– Глеб, канал новостей включи! Колониальный проект закрыли, ходовые испытания «Одиссея» отменены! Ходят слухи, что бригаду ВКС расформируют!

– Подожди, Серега, ты ничего не напутал?! – Глеб включил сферовизор. – Соображаешь, что несешь?!

– ...и снова возвращаемся к главной новости дня, – голос ведущего заполнил кварткапсулу. – По данным, пока не подтвержденным из официальных источников, в колонии Новой Земли обнаружен опаснейший внеземной вирус, что повлечет за собой срочную эвакуацию научного и технического персонала. Как стало известно, крейсер ВКС России «Варяг» готовят к незапланированному прыжку...

– Ну, убедился? – Вахрушев все еще оставался на связи. – Я ничего не понимаю, Глеб! Бессмыслица какая-то! Если в колонии обнаружен опасный вирус, там должны ввести карантин, а не готовить крейсер для экстренной эвакуации!

– Подожди, Серега, новостям верить – последнее дело! Ты о Юранове откуда узнал?

– Да слухи, если честно!

– Вот и успокойся! Если действительно что-то случилось, нас вызовут, все объяснят!

Вызвали.

На следующий день бригаду ВКС подняли по тревоге, неделю держали в боевой готовности, затем, так же внезапно, без объяснений случившегося, офицерам объявили: испытания «Одиссея» откладываются на неопределенный срок.

Прошло два месяца, наступила поздняя осень, а ничего не происходило. Бессрочный отпуск. Информационный вакуум. Программа освоения дальнего космоса свернута, колония Новой Земли действительно эвакуирована, «Одиссей» так и не покинул стапель космоверфи.

Глеб ничего не понимал. Коммуникатор, имплантированный в мочку правого уха, молчал. Ни одного вызова. Словно все, чем он жил, исчезло.

Конечно, он пытался понять, что случилось. Ему удалось кое-что узнать по неофициальным каналам. Крохи собранной информации складывались в туманную, противоречащую официальной версии картину.

Полынин затемнил окно, обернулся. Два тренажера, выдвинутые в рабочее положение, плавный изгиб барной стойки, мутный блик света на изящных пластиковых бокалах. «Нет, так больше не могу. Не выдержу. Сколько еще ждать в состоянии полной неопределенности?»

Сев в кресло, Глеб глубоко задумался, затем, приняв решение, коснулся кибстека. Личный нанокомп сформировал крошечную панель набора.

– Роман Сергеевич?

– Да, слушаю.

– Полынин беспокоит.

– Глеб?

– Он самый.

– Рад тебя слышать! – Генерал Дунаев, старый друг отца, скрыл удивление за нотками радушия.

– Роман Сергеевич, надо бы встретиться.

– Где и когда? – Дунаев с неожиданной легкостью откликнулся на внезапную просьбу.

– Думаю, на «нейтральной территории». – Глеб только что совершил спонтанный поступок и теперь быстро прокручивал в мыслях возможные варианты. – Есть небольшое кафе в парковой зоне, недалеко от вашего дома. Я мог бы подъехать минут через тридцать.

– Добро. Сверим часы?

– Девятнадцать ноль шесть.

– Верно. До встречи.

Сигнал отбоя связи промурлыкал навязчивый мотивчик.

Глеб встал, кресло тут же сложилось, в стене открылась ниша гардеробной. Кибернетическая система кварткапсулы отслеживала множество параметров, сканировала направление взгляда, фиксировала

движения, почти безошибочно предугадывая намерения человека, реагируя на них без дополнительных команд.

Глеб накинул пальто.

– Режим энергосбережения, – на прощание произнес он.

* * *

Дунаева Глеб знал давно. Первые, еще полуосознанные детские воспоминания сохранили образ лейтенанта военно-космических сил России, друга и сослуживца отца.

...В кафе было безлюдно. Огни города вызывающе сияли, раскидистые кроны деревьев уже уронили листву и больше не заслоняли их.

Глеб занял дальний столик, приготовился ждать, но Дунаев появился точно в условленное время.

Он проигнорировал просеменившего к нему серва, однако тот не отстал, увязался следом, проводил до столика, за которым расположился Глеб.

– Повзрослел! – генерал пожал руку Польшину, грузно сел. – Давно не виделись. Рад встрече. Как родители?

– У них все нормально. Отец недавно вышел в отставку, они с мамой домик на терраформированных территориях купили. К себе зовут.

– Так что же не вернешься на Марс? – Дунаев пристально посмотрел на Глеба. Он не привык тратить время на условности. От того лейтенанта, что подхватывал Польшину-младшего на руки, остались только воспоминания. – Ладно, можешь не отвечать. О чем конкретно хотел поговорить?

– О жизни... Что происходит, Роман Сергеевич?

– Ты в штатном экипаже «Одиссея»? – проницательно спросил генерал. Польшин кивнул.

– Был, – невесело уточнил он. – Два месяца назад отправили в бессрочный отпуск без объяснения причин. И все – глухая тишина. Роман Сергеевич, почему мы бежали из колонии Новой Земли? – не выдержав, прямо спросил он.

Дунаев выслушал его, сделал глоток минеральной воды, ослабил магнитные застёжки на вороте одежды.

– Для начала давай определимся с уровнем твоего допуска.

– Базовый.

Дунаев нахмурился. «Уровень осведомленности Полынина слишком низок, разговора у нас не выйдет, – с досадой подумал он. – Разве что дать пару жизненных советов «племяннику». Он, конечно, обидится, не поймет, но ситуация...»

– Роман Сергеевич, я знаю о первом контакте, – неожиданно заявил Глеб.

– Источник? – Полковник Дунаев коснулся неприметной вставки на рукаве одежды, и серв, застывший неподалеку, внезапно попятился, словно зверь, инстинктивно почуявший опасность. Работа устройства, блокирующего все известные способы прослушивания, сопровождалась сериями микроэлектромагнитных импульсов. Кибстек Полынина выдал сигнал сбоя и отключился.

– Источник неофициальный, – честно признался Глеб. – Но версия первого контакта звучит более убедительно, чем откровенная нелепица о смертельном вирусе. Карантин не ввели, всех эвакуировали на Землю.

Дунаев молчал, выжидающе смотрел на него.

– Я знаю о эшрангах, – решился Глеб.

– Что именно? – нахмурился генерал. – Только не заставляй меня задавать наводящие вопросы!

Что оставалось Полынину? Под пристальным взглядом Дунаева он чувствовал себя неуютно, но жизнь явно летела под откос, нужна хоть какая-то ясность, иначе недолго и свихнуться, сидя в четырех стенах!

Самообладание генерала все же не железное. Дрогнул, когда услышал заветное слово. Значит, те крохи информации, что удалось собрать, верны?

«Ладно. Попробую».

– Эшранги, как предполагалось, принадлежат к исконной биосфере Новой Земли, – Глеб решил говорить кратко, так меньше риск допустить неточность. – Первая разведывательная группа, прибывшая на планету, обнаружила несколько небольших популяций этих нелетающих птиц. Их внешний вид, в частности наличие кожистых перепончатых крыльев, позволил предположить, что они эволюционировали из звероящеров.

Дунаев слушал, не перебивая, вот только на скулах заиграли желваки.

– Последующие исследования показали, – продолжил Глеб, – что теория их происхождения несостоятельна, она идет вразрез с представлением о ходе развития жизни на Новой Земле. Потребовалось детальное исследование, для чего был произведен отлов трех особей. Их разместили в клетках на территории строящегося первичного поселения. Спустя несколько часов на орбите планеты появился неопознанный космический корабль. По размерам он в десятки раз превосходил наш крейсер, на попытки связи не ответил, а по анализу сигнатур стало ясно: на борту активированы системы вооружений, способные одним залпом превратить колонию в пепел. Через некоторое время от корабля отделились спускаемые модули, началась всеобщая эвакуация эшрангов. Трех птиц, отловленных для изучения, срочно выпустили. Никаких агрессивных действий в отношении нашей колонии они не предприняли, просто покинули планету вместе с остальными.

Дунаев молчал, и Глеб был вынужден продолжить:

– Стало ясно: представители иной космической цивилизации в течение года наблюдали за развитием нашего первичного поселения, ничем не выдавая себя, – он перевел дыхание, сделал глоток остывшего кофе. – Но при картографических исследованиях Новой Земли не было обнаружено никаких признаков деятельности разумных существ! Никто не подозревал, что эшранги – представители иной цивилизации, намного опередившей нас в техническом развитии!

– Все? – по-прежнему хмурясь, спросил Дунаев.

– Да. Этого мало?

– Достаточно, чтобы твои источники информации угодили за решетку!

– Роман Сергеевич, – Глеб исподлобья взглянул на него. – Почему мы бежали из колонии? Почему отменены испытания «Одиссея»?

– Сам как думаешь?

– Все мои версии сводятся к эмоциям, – признался Полюнин. – Я не вижу логики в отступлении! Если честно, двухмесячное ожидание вымотало нервы. Ходят слухи, что программа строительства колониальных транспортов вообще закрыта, а бригада ВКС будет расформирована!

– Глеб, ты понимаешь, что я должен сейчас вызвать следственную группу и арестовать тебя?

– Вы не ответили на мой вопрос!

– А чего ты ждал?

Глеб понимал: генерал связан понятием «государственная тайна». Но его реакции достаточно, чтобы сделать вывод: крупницы информации, просочившиеся из колонии, действительно отражают суть событий?! Произошел первый контакт, и мы бежали?!

– Роман Сергеевич, я изложил слухи. Но если вдруг предположить, что они верны? – Глеб решил изменить тактику.

– Значит, свои источники не выдашь?

– Нет.

– Ладно... Ты, Глеб, с огнем играешь, но, – Дунаев неожиданно кивнул, принимая предложенные условия, – рассмотрим твою гипотетическую ситуацию, – согласился он. – Если бы все, сказанное тобой, имело место, я бы ответил: эвакуация колонии – единственно возможный и абсолютно закономерный шаг!

– Почему? Конфликт исчерпан. Эшранги покинули планету!

– Ты сам задал условия. Цивилизация эшрангов знает о нас, они намного опередили человечество в развитии, а мы, – он прищурился, – по твоим словам, не знаем о них ничего! Они наблюдали, оценивали, а мы, извини, как бы помягче выразиться, мы первый контакт проморгали!

– И что теперь?

– Колониальный проект закрыт.

– Но почему?!

– Сам подумай. Получается, что мы вторглись на их территорию! Осуществили акт агрессии, насилия! Пусть по ошибке, незнанию, но совершили! Каких последствий ждать? Что, по условиям твоей задачки, нам известно о системе моральных ценностей эшрангов?

– Ничего не известно...

– Вот и думай! Колония Новой Земли – российский проект. Мы создали внепространственный привод, засекретили технологию, не поделились ею с другими странами. Нужно смотреть на ситуацию шире. Земля раздроблена на государства и нации. Имеет ли право одно правительство, одна страна, на свой страх и риск продолжать экспансивные действия, которые могут обернуться столкновением с иной космической расой? Ты бы принял на себя такую ответственность?

– Нет, но...

– Без «но», Глеб! На сегодняшний день ты можешь быть твердо уверен лишь в двух вещах. Первое: эшранги стоят на более высокой ступени технического развития. Их корабль, осуществлявший эвакуацию, способен стереть нас с лица Земли! И второе: ты понятия не имеешь, как восприняли нас «братья по разуму», не знаешь, где именно находится их родная звездная система, каковы их истинные намерения и возможности!

– То есть сама идея колонизации иных звездных систем уничтожена на корню?! – мрачно уточнил Глеб.

– Отсрочена. На неопределенное время, – неохотно ответил Дунаев. – Одну ошибку мы уже совершили. По-твоему, нужно упорствовать, закрепиться на Новой Земле, несмотря ни на что?

– Нет, – вздохнул Глеб. – Но пока мы будем разбираться, искать возможности для полноценного контакта, пройдут годы!

– Возможно, не годы, а жизни поколений!

– И что же делать?!

– Ищи работу, – сухо ответил Дунаев. – Ты изложил ситуацию, хотел получить совет, я его дал. Ничего другого добавить не могу, при всем желании!

– Я понял. Мы возвращаемся в границы Солнечной системы, прекращаем освоение дальнего космоса?

– Безусловно. Пока наша цивилизация разделена на соперничающие государства, Россия в одностороннем порядке не станет возобновлять попытку колонизировать другие звездные системы. Сеять хаос и панику, публикуя версии вроде твоей, тоже никто не станет. Правду ты слышал в выпусках новостей. Опаснейший экзовирус, обнаруженный в колонии. Все. Точка. И не вздумай даже заикнуться о нашем с тобой разговоре! Извини, Глеб, рад был встретиться, но мне пора!

Дунаев отключил защиту, встал и, не прощаясь, направился к выходу.

Глава 2

Земля. Май 2073 года

Утро выдалось теплым, но пасмурным.

Неприветливые отроги горных хребтов, окружающие заставу, разительно изменились с приходом весны. Еще недавно растущая на склонах хвойно-лиственная тайга выглядела абсолютно безжизненной. Кислотные дожди, накрывшие регион прошлым летом, казалось, безвозвратно погубили растительность, – почернели кусты багульника, брусника высохла на корню, березы и осины уронили листву еще в июле, и лес всю зиму простоял серой, угрюмой, молчаливой стеной, даже живучие, выносливые сосны опалило желтизной.

Зимой лишь ураганные ветры завывали над заснеженными перевалами, а с приходом весеннего тепла внезапно произошло чудо: клейкие почки распустились на некоторых деревьях. Юная листва поначалу пробивалась робко, со стороны это выглядело так, будто нежно-зеленая дымка окутывает небольшие участки горных склонов.

Глеб Полынин стоял у края скалистого обрыва, глядя на величественную панораму нагорья. В ущельях, прорезанных руслами рек, еще таилась тьма, диск солнца едва просвечивал сквозь облака расплывчатым пятном, обещая знойный полдень.

По траверзам отрогов тянулись хорошо различимые ниточки дорог, вдоль скалистых утесов струился холодный воздух, формируя серые облачные лавины, которые растают к полудню, превратятся в мглистое марево.

Сегодня утро звенело. Птичий щебет слышался отовсюду, птицы, не обращая внимания на людей, были заняты строительством гнезд, деловито сновали поодиночке и стайками, смешно и трогательно собирали веточки, клочки пожухлой прошлогодней травы.

За полтора года, что Глеб прослужил на заставе, его мечта не погибла, но потускнела, притаилась на донышке души.

О программе освоения дальнего космоса, кажется, позабыли. «Одиссей» так и не покинул стапель космической верфи. Шумиха в прессе быстро улеглась, вернее – ее погасили. Ни слова о «братьях по разуму», никаких намеков на первый контакт, будто люди никогда и не выходили за границы Солнечной системы.

Версию о смертельном вирусе, обнаруженном в колонии, поддерживали неуклонно. Новая политика руководства ВКС сводилась к простым формулировкам: мы еще не исчерпали всех возможностей внутрисистемного развития. Потенциал колоний Марса и Ганимеда огромен. Нам есть куда двигаться, где оттачивать технологии преобразования планет, а путешествия к звездам, как показала практика, – это удел будущих поколений.

Глеб понимал: он практически ничего не знает. Информация, собранная по крохам, озвученная в разговоре с Дунаевым как полноценная версия случившегося, видимо, не отражала и сотой доли правды, иначе им бы вплотную занялся спецотдел.

Даже не потревожили.

Бригаду ВКС действительно расформировали, большинство офицеров распределили между гарнизонами Марса, Ганимеда и форпостами на астероидах в границах пояса Койпера^[1].

Глеб оказался в числе немногих, оставшихся на Земле.

Служба на границе незаметно превратила молодого лейтенанта в зрелого офицера. Среди величественной красоты гор, вдали от городов, он неожиданно открыл для себя новую, неведомую ранее грань восприятия, соприкоснулся с царством суровой природы, еще сохранившейся здесь вопреки процессам глобальной урбанизации.

Горы требовали мужества. На границе шла необъявленная война, через дикие труднодоступные районы проходили маршруты различных криминальных трафиков, в глубинах горной страны на сопредельной территории двух государств действовали многочисленные отряды боевиков.

Вся криминальная накипь мегаполисов стекалась сюда, ища убежища в горах, так что крови хватало с избытком...

...Солнце поднималось все выше, облака постепенно таяли, поднявшийся ветерок нес прелые запахи леса, а со стороны заставы уже слышался рокот двигателей, лязг отпираемых ворот, голоса.

Глеб взглянул на крохотный экран закрепленного на запястье кибстека.

Пять минут до боевого развода.

Он машинально проверил экипировку, чуть ослабил скользящий магнитный замок автоматного ремня и направился к приземистым постройкам заставы.

* * *

На плацу застыли четыре боевые машины, две старенькие, побывавшие во многих передрягах, и две новые, с водородными двигателями.

– Здорово, Полынь! – капитан Морозов дружески хлопнул Глеба по плечу. – Ну что, сегодня снова «на выпас»?

– Здорово, – Глеб обменялся рукопожатием с офицерами, пожал плечами в ответ на дежурную, уже обросшую бородой шутку.

В Академии военно-космических сил готовили специалистов двойного, а иногда и тройного профиля. Его второй специализацией являлись кибернетические механизмы колониальных моделей. Третья, так и не востребованная «гражданская» профессия – инженер силовых установок космических кораблей – похоже, в жизни уже не пригодится, – невеселая мысль все же проскользнула, ужалила.

«Выпасом» в шутку называли контроль боевых сервов. Еще пару лет назад полевые испытания кибернетических механизмов, оснащенных искусственными нейросетями, казались делом немыслимым, – ведущие мировые державы подписали договор о запрете производства и эксплуатации боевой техники с элементами ИИ.

Полтора года назад Китай в одностороннем порядке, без внятных пояснений, вышел из договора, возобновил собственную программу создания боевых искусственных интеллектов. По данным разведки, на заводах Поднебесной уже началось серийное производство сервомеханизмов, предназначенных для нужд армии.

Чем мотивирован такой односторонний шаг, Глеб откровенно не понимал. Как специалист он мог бы убедительно доказать: искусственные интеллекты неспособны принимать адекватные решения в сложной боевой обстановке. Они в лучшем случае станут оголтелыми кибернетическими убийцами. Но кто прислушается к мнению молодого офицера? Неожиданный виток гонки высокотехнологичных вооружений резко обострил и без того непростую обстановку, потребовал от России незамедлительного ответа, и он был найден: руководство ВКС приняло решение о расконсервации универсальных кибермеханизмов колониальной модели, хранившихся на борту «Одиссея».

Переоснастить их для несения боевой службы оказалось несложно, трудности возникли при переобучении нейросетей, ведь эти машины были

спроектированы в целях созидания. Мало навесить на сервов дополнительные датчики и установить системы вооружений. Нужно научить их решению сложнейших задач – именно этим и занимался Глеб, но пока что прогресс был невелик.

Из здания штаба вышел полковник Реутов, командир заставы.

– Построились! Внимание сюда!

Наряды замерли.

– Так, бойцы, обстановка сложная, – хмуро начал он. – В штабе округа мне уже весь мозг вынесли темой «прозрачности» наших границ в горных районах!

– Людей бы лучше дали и технику! – негромко огрызнулся капитан Стонов.

– Разговоры в строю! – Реутов сегодня был реально зол. – Поступила информация о хорошо подготовленных группах наемников, готовящих прорыв на нашем участке!

– Брешут, – негромко прокомментировал Морозов. – Брешут, чтоб мы бдительность не теряли. Нет у серьезных группировок интереса к нашему участку. Ни прямых выходов к мегаполису, ни баз, ни троп. Одни тупики.

– Так, я сказал: разговоры отставить!

Капитан умолк. Он служил на заставе уже лет двадцать и зря словами не разбрасывался. Высказал мнение и вновь принял невозмутимый вид.

– Прошу к информации отнестись серьезно! – продолжил Реутов. – Количество нарушений за последний год никого тут не настораживает? А вот в штабе считать умеют! Ткнули меня в данные статистики носом и спрашивают, что же ты нам про тупики рассказываешь? Нет интереса? Значит, появился он, а мы – ни духом, ни рылом!

Кто-то в строю не выдержал, хохотнул.

– Кроме шуток, господа офицеры, – Реутов злился. – Мы явно упускаем что-то важное! Стычки, перестрелки происходят едва ли не каждый день! Прощупывают нас! Слабые места ищут! И картина, если взглянуть со

стороны, действительно настораживает! Дадим слабинку, позволим наемникам проторить новые «коридоры», просочиться в глубь нашей территории – с нас шкуру снимут, так что исходим из наихудших предположений! – резко завершил он. – Командирам получить чипы с заданиями! Полынин, ко мне!

Глеб подошел.

– Ну, лейтенант? Что скажешь? Можем привлечь твоих сервов к боевому патрулированию?

– Сложный вопрос.

– А я простых вопросов и не задаю!

– По животным они уже не стреляют, – ответил Глеб, – но дать гарантию, что не откроют огонь по своим, пока не могу!

– Огорчаешь ты меня, лейтенант! Полтора года уже возишься, а толку никакого! Чему вас в Академии ВКС учили? – неприязненно спросил полковник.

– Психологии первого контакта. Тактике боевых действий в космосе. Астрофизике, биологии, основам планетного преобразования, – сдержанно ответил Полынин.

– Да, под наш случай не подходит, – хмуро обронил Реутов. – Но ты мне объясни, если этих сервов готовили для отправки в колонию, почему же здесь они тупят?!

– Сервы изначально не предназначались для ведения боевых действий, – терпеливо (уже не в первый раз) пояснил Глеб. – Их проектировали в других целях. Предполагалось, что люди для колониальных механизмов – дружественные существа.

– А если отключить их нейросети? – прищурился Реутов.

– Тогда мы получим заурядный боевой механизм с примитивным вариатором целей.

– Предлагаешь набраться терпения? И сколько еще ждать? Год? Месяц?

– Я обучаю их нейросети. Каждый день. Когда появится результат, предсказать не могу. У нарушителей мало отличительных признаков, явно

характеризующих их намерения. Пока рекомендую использовать сервов в качестве наблюдателей. Их боевое применение приведет к сомнительным результатам.

– А вот наши китайские «коллеги» так не думают! Их кибермеханизмы патрулируют границы и успешно справляются с этой задачей!

– Да, я знаю! – в тон ему ответил Полюнин. – Особенно если сбросить со счетов два высокогорных буддийских монастыря, где сервы вырезали монахов и паломников, то картина складывается оптимистическая!

– Ты к чему сейчас клонишь, лейтенант?

– В военной сфере нельзя полагаться на боевые ИИ. Бед от них будет много больше, чем от наемников или террористов!

Реутов выслушал Глеба и тут же напомнил:

– Но ты же мне показывал, как сервы действуют в боевой обстановке! Ни единой ошибки, ни одного огреха! Ох, как бы они пригодились сейчас!

– Запросите взвод космического десанта из состава расформированной бригады ВКС, и я гарантирую, мы наглухо закроем наш участок границы!

– Вот как? Значит, два десятка десантников справятся, а мы, пятьдесят восемь человек, прослуживших тут всю жизнь, уже никуда не годимся?!

– Вы меня не поняли. Демонстрация была успешна по единственной причине, – сдерживая эмоции, ответил Глеб. Он красноречиво коснулся заглазки на своем правом виске. – Имплант. В учебном бою не сервы выбирали цели, они только поражали их! Я управлял ситуацией, анализировал данные, принимал решения. Искусственные интеллекты способны созидать, строить, исследовать иные планеты, но им нельзя давать в руки оружие. Они не отличат нарушителя границы от заплутавшего туриста.

– Да понял уже... – Реутов с досадой махнул рукой. – Значит, я могу в критической ситуации рассчитывать на тебя?

– В смысле? – Глеб не понял вопроса. – Я офицер и...

– Не о том речь! – полковник отвел его в сторону. – Если все же случится прорыв, могу я рассчитывать на твои способности?

– Да, – Глеб задумался лишь на секунду. Свои возможности он знал хорошо. – С одним уточнением. Эффективно я смогу работать с тремя кибермеханизмами, не больше.

– Почему?

– Иначе рассудок не выдержит нагрузки. Попробуйте включить три сферовизора одновременно, запустите разные каналы и анализируйте всю поступающую информацию, – привел он самый простой пример. – Только нужно обязательно анализировать, а не просто смотреть и слушать. Принимать решения по информации, делать выводы, реагировать!

Реутов представил.

– А ты можешь? – недоверчиво переспросил он.

Полынин кивнул:

– Дистанция эффективной связи между имплантом и сервами невелика, в горах, учитывая сложный рельеф, она составит примерно двадцать – двадцать пять метров, не больше. Значит, в бою я по определению буду иметь дело с одним противником или одной группой противников. То есть задача упрощается до уровня действий командира отделения. Связанные со мной сервы длительное время обучались на примере моего образа мышления. Это, как вы понимаете, и есть смысл «выпаса», – Глеб решил сгладить острые углы, завершив фразу сленговым словечком. – Учитывая ситуацию, сегодня я возьму только Яшку. Им в бою смогу управлять однозначно. Так что рассчитывать на нас нужно!

– А остальные кибермеханизмы?

– Предлагаю оставить их на высотах, как и прежде, использовать в качестве наблюдателей, в крайнем случае как снайперов, но только по прямому целеуказанию!

– Ладно, лейтенант, я тебя понял. – Реутов о чем-то глубоко задумался. – Бери твоего серва и действуй по своему плану. Работаешь как обычно, в паре с Якутом. Все, свободен!

* * *

Первая контрольная точка располагалась в километре от заставы. Боевая машина плавно притормозила.

– Полынь, Якут, ваша остановка!

Глеб обошел БПМ, открыл грузовой отсек. Яшка шустро десантировался на дорогу. Горный серпантин в этом месте огибал высокую выветренную скалу, с другой стороны вниз уходил крутой, обрывистый склон.

Якут спрыгнул с брони. Полынин захлопнул люк. БПМ глухо взревела двигателем, ушла в поворот и как будто растворилась в мглистом воздухе.

Яшка вел себя, как живое существо. Он тут же заинтересовался камнями, скатившимися на дорогу после прошедшего ночью дождя, затем зорко осмотрелся по сторонам. Наличие нейросетей определяло его неподдельный интерес к окружающему миру. Глеб заметил первые признаки саморазвития этого серва еще зимой, но с выводами не спешил, наблюдал.

Тыгын Эрчимов к боевым кибермеханизмам относился с изрядной долей предубеждения, вот и сейчас, не доверяя Яшкиным сканерам, он принялся внимательно изучать взглядом окрестные склоны.

Вообще, Якут – мужик надежный, немногословный, горы знает, как никто другой. Лучшего напарника Глеб для себя не представлял. За полтора года они неплохо сработались, что называется, притерлись друг к другу.

Пока Полынин наблюдал за своим подопечным, Якут, не заметив ничего подозрительного, присел на корточки, автомат положил на колени, приготовился ждать.

Серв же, напротив, внезапно насторожился. Он, видимо, уловил незнакомый, посторонний запах, заинтересованно выдвинул усик газоанализатора и теперь «принюхивался», но тревоги пока не поднимал.

Глеб коснулся импланта, переключился на прием данных.

В его рассудке медленно проступили схематичные очертания человеческой фигуры, затем он уловил запах пота, тонкий, уже практически истаявший...

Конец ознакомительного фрагмента.